УДК 94(470.5+571)"185/189":821.161.1-94 DOI: 10.17223/19988613/58/27

Н.П. Матханова

РЕЦЕНЗИЯ: КЛЕВАКИН Е.П. ЗАПИСКИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЧИНОВНИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ВОСПОМИНАНИЯ И РАССКАЗЫ О ЖИЗНИ И СЛУЖБЕ НА УРАЛЕ И АЛТАЕ: СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ: в 2 т. / ИЗД. ПОДГОТ. П.А. АФАНАСЬЕВ. БАРНАУЛ: АЛТГПУ, 2017. Т. 1. 420 с.; Т. 2. 458 с.

Рассматривается новая публикация источников мемуарного характера, созданных уральским, а затем сибирским чиновником Е.П. Клевакиным. Дана характеристика издания по основным параметрам: уровень вводной статьи, комментария и других частей научно-справочного аппарата, принципы и качество передачи текста, информационный потенциал. Делается вывод, что работа публикатора, П.А. Афанасьева, заслуживает высокой оценки.

Ключевые слова: эдиционная археография; мемуаристика; провинциальное чиновничество; Е.П. Клевакин,; П.А. Афанасьев.

Фундаментальная публикация, подготовленная молодым историком, посвящена теме, актуальность которой в России неизменна. Административный аппарат играл и играет важнейшую роль в судьбе страны, в жизни миллионов ее граждан. Это относится и к местной власти — в повседневной жизни население имеет дело с органами и деятелями местного управления. В последние годы исследователи все больше проявляют внимания к истории провинциальной администрации Российской империи; сибирские историки достигли в этом отношении заметных успехов.

В рецензируемом издании впервые так полно представлено письменное наследие провинциального чиновника невысокого ранга. До сих пор исследователи могли лишь сетовать на незначительное по количеству и качеству мемуарно-эпистолярное наследие сибирских купцов и чиновников. Правда, по мере изучения вопроса оказывалось, что их не так уж мало и они не так уж малосодержательны. Некоторые из записок Евгения Поликарповича Клевакина были известны историкам и даже от случая к случаю использовались ими. Однако рецензируемое издание наглядно и убедительно показывает, насколько неполным и неточным было представление об их объеме, значении и информационном потенциале.

Осуществление научного издания исторических источников, да еще и значительного объема, требует огромной кропотливой работы, далеко не всегда справедливо оцениваемой коллегами, незнакомыми на собственном опыте с таким видом профессиональной деятельности. В данном случае П.А. Афанасьев выступает в роли не только публикатора, но и исследователя.

В обширной вводной статье П.А. Афанасьеву удалось реконструировать биографию изучаемого персонажа и убедительно показать действие механизма социальной мобильности. В публикуемых источниках представлены подробности повседневной жизни горнозаводского населения, значение существовавшей системы образования для судеб обычных людей. Упоминается главный начальник Уральских горных заводов В.А. Глинка, сыгравший важную роль в судьбе мальчика, – крупный чиновник обратил на него внимание и распорядился перевести в окружное училище.

Может быть, это не случайный поступок бывшего декабриста и человека, отличавшегося либеральными взглядами [1]. Во всяком случае, историки получили новый источник, дополняющий образ Глинки.

По мнению Афанасьева, в основе успешной карьеры Е.П. Клевакина, вышедшего «из мастеровских детей», лежат знание дела, честность, добросовестность, следование закону. Конечно, подобная карьера и ее основания противоречат устойчивому представлению о чиновниках, однако если бы эти стереотипы соответствовали действительности, само существование и функционирование государства было бы невозможно. Исследователь сумел вникнуть в смысл и содержание деятельности чиновника. Разнообразие занятий и мест службы Клевакина, подробная характеристика автором своей деятельности позволяет увидеть «изнутри» реальную жизнь, «подноготную» и казенной, и частной управленческой службы. Подчеркивается значение для успешной профессиональной и общественной деятельности коммуникативных практик, хотя в этой сфере Клевакин действовал неоднозначно: с одной стороны, он часто менял места работы, ссорился с начальниками и сослуживцами, с другой - умел «устанавливать контакты и ладить с разными людьми», в том числе с представителями враждовавших «партий» алтайской горнозаводской администрации. Упоминается о «могучем телосложении и силе» как об одном из факторов, поднимавших авторитет чиновника среди населения. Источники позволили выявить и охарактеризовать мотивы перемены мест службы: желание обеспечить материальное благополучие собственное и семьи, самолюбие и стремление достичь успеха, «быть всегда на виду», а также и сам характер работы. Не случайны такие замечания: «и здесь служить можно»; «как машина работаешь»; «должность очень занимательная». Клевакин, бесспорно, обладал незаурядными способностями, что проявлялось и в том, как быстро и успешно он осваивал новые обязанности и адаптировался к новым местам службы. Из публикуемых текстов обнаруживается и довольно широкий круг чтения этого человека.

Не менее важны выявленные и опубликованные источники, характеризующие участие Клевакина во

многих обществах — потребительских и научнокраеведческих, в ссудо-сберегательных кассах и клубах, пожарно-добровольческом движении и тюремном попечительстве, наконец, в «Союзе русского народа». Можно согласиться с объяснением монархизма чиновника архаичной тождественностью в его восприятии и понимании службы государству и государю, наград и поощрений, получаемых за службу, — благоволением императора.

Особую ценность публикуемым эго-текстам придает принадлежность мемуариста к нижнему, самому многочисленному слою провинциального чиновничества. Думаю, что не вполне правомерно считать Клевакина «человеком второго плана» в соответствии с концепцией ростовских историков и их терминологией. Его место по классификации Н. А. Мининкова и его коллег, скорее, находится между второй и третьей категориями. Напомню, что к первой отнесены «"выдающиеся личности", ("фигуры первой величины")... экстраординарность личных качеств которых создавала у современников и потомков впечатление их исключительности»; члены второй характеризуются так: «человек второго плана», который «в большей мере интегрирован в социальный контекст и в этом смысле типичен», он «выделяется из толпы, но в то же время "не дотягивает"... до масштаба "творца истории" и "вершителя судеб"»; в третью входят лица «"третьего плана" (исторического фона, единиц социального ландшафта) - безымянные, вербально и визуально не представленные как индивидуумы». И наконец, вне этих категорий и за пределами объекта «персональной истории» остается «молчаливое большинство» те, «кто составлял... социокультурный фон» эпохи [2. С. 23–25]. Почти по всем параметрам Клевакин ближе всего к третьей категории, его выделяет из тысяч мелких провинциальных чиновников факт создания многочисленных мемуарно-эпистолярных и беллетризованных текстов, охватывающих - и это действительно уникальное явление, - всю его жизнь.

П.А. Афанасьев расположил 46 публикуемых текстов в пяти разделах в соответствии с хронологией и основными этапами биографии Клевакина, разделы поделены на главы, следующие одна за другой «в хронологической последовательности описываемых событий», каждая глава «представлена обособленным завершенным... тематически самостоятельным очерком-воспоминанием». В ряде случаев выделены отдельные сочинения, входившие в состав общих, более крупных рукописей. Составитель поставил перед собой цель максимально полной публикации мемуарного наследия, включив и те сочинения, которые были написаны в «беллетризованной манере», но «по характеру описания, стилистике, упоминаемым фактам и героям», мало отличались от «собственно воспоминаний». Не случайно в названии появилось многозначное понятие «записки». Пришлось решать сложную задачу отграничения мемуаристики от беллетристики -«за рамками издания оставлены тексты, написанные на реальной основе, но созданные как художественные произведения с изменением имен действующих лиц». В этом отношении Афанасьев следует принципу,

сформулированному классиком отечественной истории и источниковедения П.А. Зайончковским [3. С. 10].

Само обилие и объем письменного наследия автора, имевшего невысокий социальный статус и не очень серьезный официальный образовательный уровень, вызывает несколько настороженное отношение, и Афанасьев понимает это, задаваясь даже вопросом о возможной графомании. Убедительными и обоснованными представляются соображения составителя о мотивах столь интенсивного мемуарного творчества: профессиональная привычка к письменной работе, удовлетворение собственного самолюбия, желание «подчеркнуть свою необычность среди большинства грамотных обывателей-современников», стремление сохранить и передать общественно значимую информацию, в чем, очевидно, проявлялось историческое самосознание. Все это позволило отказаться от подозрения в графомании. П.А. Афанасьев определил особенности мемуарного творчества Клевакина: «близость к форме очерка», беллетризация (наличие диалогов и прямой речи, эмоциональность), разрозненность и мозаичность. Им отмечена и такая черта, как ориентация на публикацию, особенно в поздний период и при создании крупных текстов, но она, скорее, отражает не индивидуальную специфику, а соответствует общей тенденции развития мемуаристики конца XIX – начала XX в. [4. С. 49].

При подготовке подлинно научного издания источников, как правило, встает вопрос о принципах публикации. К сожалению, в последнее время все чаще игнорируются «Правила издания исторических документов», - к рецензируемому изданию это не относится. Хотя мы видим отступления от правил, но в сторону более точного и полного соблюдения духа и сути археографии и текстологии. В данном случае отрефлексированы и четко сформулированы избранные публикатором правила передачи текста, в этом он следует серьезным образцам. В отличие от многих современных публикаций источников, археографическая характеристика рукописей выполнена на высоком профессиональном уровне. Дается описание носителя информации («конторская книга с твердой обложкой и тканевым корешком», «линованные листы писчей бумаги» и т.п.), указываются формат, поля, цвет чернил, надписи и пометы. Текстуальные подстрочные примечания позволяют судить о ходе и сути работы автора - исправления, дописки, переработка и пр. Правка наглядно показывает отношение автора к тексту.

Научно-справочный аппарат носит подлинно исследовательский характер. Из общего объема издания тексты Клевакина занимают более 70%, тексты составителя (введение, комментарии, именной указатель) около 30%. Во вступительной статье представлены результаты большой и удачной аналитической работы. Однако правильно было бы при цитировании здесь публикуемых документов ссылаться не на архивное дело, а на собственную, вошедшую в данное издание публикацию. Комментарий основан на изучении многочисленных разнообразных документов. Как это и должно быть в хорошей, высокопрофессиональной работе, комментарий — настоящий кладезь информа190 Н.П. Матханова

ции по истории чиновничества и управления, об общественной и повседневной жизни многих слоев населения региона, о судьбах конкретных людей.

Составитель обоснованно включил во второй том «Перечень документального наследия Е.П. Клевакина», который стал результатом серьезной работы по выяснению судьбы фонда; ему удалось проследить перипетии движения документов.

Самостоятельную и весьма серьезную ценность имеет аннотированный именной указатель и приложе-

ние, включающее восемь делопроизводственных документов, важных не только для реконструкции биографии самого Клевакина, но и для просопографических исследований чиновничества.

Основательность, исследовательский характер вступительной статьи и научно-справочного аппарата, качество передачи текста — все это отличает рецензируемое издание и позволяет поздравить составителя и читателей с появлением хорошего серьезного научного труда.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Шкерин В.А. Генерал Глинка. Личность и эпоха. Екатеринбург: УрО РАН, 1998. 345 с.
- 2. Мининков Н.А., Кореневский А.В., Иванеско А.Е. Человек «второго плана» в контексте современной историографии: пять лет спустя // В тени великих: образы и судьбы. СПб. : Алетейя, 2010. С. 19–28.
- 3. Зайончковский П.А. Введение // История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях : аннотированный указатель книг и публикация в журналах : в 5 т. / под ред. П.А. Зайончковского. М. : Книга, 1976. Т. 1: XVI—XVIII века. С. 3–15.
- 4. Тартаковский А.Г. Мемуаристика как феномен культуры // Вопросы литературы. 1999. № 1. С. 35–55.

Matkhanova Natalya P. Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia). E-mail: istochnik history@mail.ru

REVIEW: KLÉVAKIN E.P. NOTES OF THE PROVINCIAL OFFICIAL OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY: MEMOIRS AND STORIES ABOUT LIFE AND SERVICE IN THE URALS AND ALTAI: COLLECTION OF DOCUMENTS: IN 2 V. / THE EDITION IS PREPARED BY P.A. AFANASYEV. – BARNAUL: ALTAI PEDAGOGICAL UNIVERSITY, 2017. Vol. 1. 420 p.; Vol. 2. 458 p.

Keywords: edition archaeography; memoirs; provincial bureaucracy; E.P. Klevakin; P.A. Afanasyev.

A new publication of memoirs written by the Ural and then Siberian official E.P. Klevakin is considered. The characteristic of the publication according to the main parameters is given: the level of the introductory article, commentary and other parts of the scientific reference apparatus, the principles and quality of text transmission, the information potential. It is concluded that the work of the publisher, P.A. Afanasyev, deserves high evaluation.

REFERENCES

- Shkerin, V.A. (1998) General Glinka. Lichnost' i epokha [General Glinka. Personality and era]. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
- 2. Mininkov, N.A., Korenevskiy, A.V. & Ivanesko, A.E. (2010) Chelovek "vtorogo plana" v kontekste sovremennoy istoriografii: pyat' let spustya [The back-burner man in the context of modern historiography: five years later]. In: Repina, L.P. (2010) V teni velikikh: obrazy i sud'by [In the shadow of the great: images and destinies]. St. Petersburg: Aleteyya. pp. 19–28.
- 3. Zayonchkovsky, P.A. (1976) Vvedenie [Introduction]. In: Zayonchkovsky, P.A. (ed.) *Istoriya dorevolyutsionnoy Rossii v dnevnikakh i vospominaniyakh* [History of pre-revolutionary Russia in diaries and memoirs]. Vol. 1. Moscow: Kniga. pp. 3–15.
- 4. Tartakovsky, A.G. (1999) Memuaristika kak fenomen kul'tury [Memoirs as a phenomenon of culture]. Voprosy literatury. 1. pp. 35–55.